

«Торговые войны» или борьба за обновление мироустройства

© 2019

Я.В. Лексютина

В августе 2017 г. президент США Д. Трамп в соответствии со статьей 301 Закона о торговле 1974 г. инициировал расследование в отношении политики Китая в вопросах передачи технологий, интеллектуальной собственности и инноваций. В связи с выявленными нарушениями со стороны КНР с июля 2018 г. Вашингтон трижды повышал тарифы на импортируемые из КНР товары на общую сумму 250 млрд долл., а также ввел ограничения на китайские инвестиции в США. В статье объясняется логика внешнеэкономической политики президента Д. Трампа, его мотивация в развязывании серии «торговых войн» и его представления о предпочтительном мировом экономическом порядке.

Ключевые слова: Китай, США, «торговая война», «возвышение» Китая, международная экономическая система, протекционизм, Д. Трамп, американо-китайские отношения.

DOI: 10.31857/S013128120004639-3

Не далее как десятилетие назад целый ряд экспертов-международников категорически отрицали конфликтный характер американо-китайских отношений. Апеллируя к динамично развивавшимся процессам глобализации и углублявшейся экономической взаимозависимости США и Китая, они характеризовали американо-китайские отношения как отношения сотрудничества и строили весьма радужные прогнозы относительно их развития. Огромный масштаб торгово-экономического взаимодействия и усиливавшаяся экономическая взаимозависимость двух стран позиционировались как компонент, стабилизирующий всю систему их двусторонних связей, не допускавший перерастания политических разногласий в затяжные кризисы в процессе взаимодействия. Однако с приходом в январе 2017 г. в Белый дом администрации Д. Трампа вопросы торгово-экономического характера стали «камнем преткновения» в отношениях КНР и США, вызвав сильнейшее противостояние двух крупнейших экономик мира.

Представляется, что причины вспыхнувшей в 2018 г. американо-китайской «торговой войны» следует искать не в структурно-системных противоречиях США и Китая — устоявшегося мирового лидера, с одной стороны, и возвышающего государства — с другой. Говорить о структурных противоречиях между двумя странами в духе политического реализма как основы или «пускового механизма» нынешнего кризиса американо-китайских отношений пока рано. Китай еще далек от достижения того уровня комплексной национальной мощи, включающей не только экономическую, но и военную

Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: lexuana@yandex.ru.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-07-50016-ОГН.

и инновационно-технологическую составляющие, которая могла бы приблизиться к американской. И, вероятно, еще важнее то, что в Вашингтоне вряд ли сформировалась убежденность в неотложности любой ценой остановить «возвышающийся» Китай.

Внешнеэкономическая политика Д. Трампа и «торговая война» с Китаем — это явление иного порядка. Введение Д. Трампом дополнительных импортных тарифов на избранные товарные группы из отдельных стран, упор на разрешение торговых споров в одностороннем порядке со ссылкой на американские законы, а не с помощью традиционного способа — обращения к ВТО, пересмотр действующих многосторонних и двусторонних торговых соглашений (и даже отказ от них — в случае с Транстихоокеанским партнерством) свидетельствуют об изменении внешнеэкономической политики США в целом, а не на одном лишь китайском направлении. «Торговая война» с Китаем отражает неудовлетворенность Вашингтона как всей системой международной торговли, так и персонально Китаем, не завершившим рыночные преобразования и процесс экономической открытости.

С приходом Д. Трампа проявилась весьма интересная тенденция: США, которые играли одну из ведущих ролей в создании современной международной торговой системы с ВТО в качестве краеугольного камня, сейчас выступают за ее изменение. На этом фоне Китай, менее двух десятилетий назад завершивший встраивание в эту международную систему, стал позиционировать себя в качестве ее главного апологета и защитника, гаранта экономической глобализации. Возникла достаточно комичная ситуация, когда страна (Китай), по-прежнему сохраняющая высокую степень закрытости своей экономики (незавершенная либерализация торговли, существенные ограничения на иностранные инвестиции в целом ряде секторов экономики, огромная роль государства в ее регулировании и т.д.) стала претендовать на роль лидера в отстаивании экономической глобализации, принципов открытого рынка и обвинять США, для которых характерна высокая степень открытости (в особенности в том, что касается открытости их рынка для импортных товаров), в протекционизме и унилатерализме (имея в виду введение импортных тарифов на основании американского законодательства, минуя соответствующие механизмы ВТО).

С момента окончания Второй мировой войны Вашингтон поддерживал и во многом направлял усилия мирового сообщества на создание международной торговой системы, основанной на принципах свободной торговли, свободного движения капиталов, экономической глобализации, открытости экономик и пр. В течение десятилетий США, как и многие страны мира, в одностороннем порядке либо посредством заключения соответствующих двусторонних и многосторонних соглашений (например, НАФТА или ВТО) снижали или вовсе устранили тарифные и нетарифные торговые барьеры. К 2017 г. тарифы США, применяемые к странам, пользующимся режимом наибольшего благоприятствования в торговле с Америкой (т.е. всеми странами — членами ВТО), достигли весьма низких показателей — в среднем 3,4%¹. У крупнейших торговых партнеров США эти показатели — низкие относительно среднемирового уровня — все же выше, чем у США: у ЕС — 5,1%, Китая — 9,8%, Канады — 4,0%, Мексики — 6,9%, Японии — 4,0%².

Однако, несмотря на сравнительно благоприятные для торговли средние тарифы, на отдельные товарные группы они могут достигать достаточно высоких показателей. Так, например, тарифы на сельскохозяйственную продукцию, применяемые Китаем в отношении стран — членов ВТО, составляют 15,6%, ЕС — 10,8%, Канадой — 15,7%, Мексикой — 13,5%, Японией — 13,3%³. В то же время тарифы США на сельскохозяйственную продукцию в среднем не превышают 5,3%.

Недовольство Вашингтона связано с тем, что в то время как США применяют в торговле либо очень низкие тарифы, либо вообще отказались от взимания импортных пошлин, их партнеры по-прежнему применяют высокие тарифные ставки. То есть, если Вашингтон открыл свои рынки, то рынки американских партнеров продолжают в значи-

тельной степени оставаться закрытыми. Среди прочих причин это приводит к увеличению американского импорта в денежном выражении и ограниченным масштабам американского экспорта (как в натуральном, так и в денежном выражении), результатом чего становится значительный дисбаланс в торговле США с отдельными странами. Так, например, США взимают импортные пошлины на автомобили в размере 2%, а импортные пошлины Китая на автомобили вплоть до начала «торговой войны» составляли 25% (с 1 июля 2018 г. Китай снизил пошлины на ввоз автомобилей и запчастей по 135 категориям с 25 до 15%, по 4 категориям — с 20 до 15%)⁵. Высокие импортные пошлины Китая на автомобили имеют большое значение, поскольку для США КНР является вторым по объему экспортным рынком автомобилей в мире (доля Китая — 17%).

В самом общем виде недовольство Вашингтона ситуацией, сложившейся в международной торговле и международной торговой системе, концентрируется вокруг трех основных обстоятельств. *Первое* — это политика американских торговых партнеров и, в первую очередь, недостаточная, с точки зрения Вашингтона, степень открытости соответствующих экономик и либерализации торговли. Эта претензия адресована развивающимся странам (уровень либерализации торговли которых, как правило, невысок), но также и тем развитым государствам, которые сохраняют высокие импортные тарифы. По многочисленным заявлениям Д. Трампа, ключевым принципом, лежащим в основе международной торговли, должен стать *принцип взаимности* (reciprocity), предполагающий применение американскими торговыми партнерами таких же или близких тарифов в торговле с США, какие Америка применяет в отношении них. Следуя этой логике, Д. Трамп, приступив к исполнению президентских обязанностей, сразу же объявил о выходе США из Транстихоокеанского партнерства, запустил процесс пересмотра соглашения НАФТА (с Канадой и Мексикой) и заявил о намерении пересмотреть другие действующие торговые соглашения с ключевыми партнерами. В отношении государств, не желающих идти на уступки США в торговых вопросах, Д. Трамп обозначил, а впоследствии в некоторых случаях исполнил намерение прибегнуть к сильным протекционистским мерам. В частности, намерения Д. Трампа включали не только оказание давления на Китай, но и меры в отношении даже близких США союзников и партнеров. Примером этого является инициатива Вашингтона пересмотреть участие Индии, Индонезии, Турции и Казахстана в Генеральной системе преференций (GSP), которая предусматривает снятие таможенных пошлин на поставляемые развивающимися странам в США товары. Переговоры о пересмотре принципов торгово-экономических отношений начались с Канадой и Мексикой, ЕС, Японией, Южной Кореей и другими государствами.

Второе недовольство связано с несовершенством системообразующего института международной торговой системы — Всемирной торговой организации (ВТО). В одном из выступлений Д. Трамп охарактеризовал ВТО как «катастрофу»: «Она [ВТО] была очень несправедлива к нам [США]. Арбитраж — очень несправедливый. Разрешение споров — очень несправедливое. И, заведомо, мы всегда в меньшинстве, и это несправедливо»⁶. Одним из проявлений недовольства Д. Трампа в отношении ВТО стало блокирование Вашингтоном назначения новых членов ее Апелляционного органа, что может уже в конце 2019 г. парализовать его деятельность. По мнению Д. Трампа, недостаточное количество американских представителей в Апелляционном органе ВТО (а это, как правило, один представитель США из семи возможных) приводит к тому, что решения иногда принимаются не в пользу США.

Критикуя ВТО за неэффективность, «несправедливое» отношение к США и медленный процесс урегулирования торговых споров, который может длиться годами, Д. Трамп впервые за предшествовавшие два десятилетия с момента Уругвайского раунда торговых переговоров и образования ВТО в 1995 г. нарушил традиционную практику обращения к этой организации в вопросах урегулирования споров со своими внешнеторго-

выми партнерами. В отстаивании американских экономических интересов Д. Трамп предпочел прибегнуть к американскому законодательству. Так, в апреле 2017 г. в рамках статьи 232 Закона о расширении торговли США (1962 г.) он инициировал два расследования — об оценке угрозы для национальной безопасности США импорта в страну стали и алюминия. В середине августа 2017 г. Трамп инициировал проведение расследования в отношении Китая в соответствии со статьей 301 Закона о торговле 1974 г., которая наделяет президента США правом принимать необходимые меры для борьбы с действиями иностранных государств, наносящими урон американской торговле. По завершении соответствующих расследований США ввели дополнительные заградительные барьеры, что стало поводом для обвинения Вашингтона в унилатерализме и протекционизме.

Однако важно понимать, что введение Вашингтоном дополнительных пошлин направлено не на создание торговых барьеров для импортируемой продукции и не на увеличение таможенных сборов США, а на побуждение соответствующих американских торговых партнеров изменить их торгово-экономическую политику и вступить в торговые переговоры относительно урегулирования торговых разногласий.

Третье недовольство касается претензий конкретно к Китаю как стране, позиционирующей Вашингтоном в качестве паразитирующей на экономической открытости США. В определенном смысле можно говорить о том, что экономический рост Китая стал возможен, среди прочих факторов, благодаря открытости американской экономики для китайского экспорта. С конца 1980-х годов США были крупнейшим экспортным рынком для китайских товаров⁷.

Уже на протяжении многих лет Вашингтон обвиняет Китай в субсидировании китайских производителей, занижении курса юаня, создании международных брендов при соответствующей государственной поддержке, принуждении иностранных компаний передавать Китаю технологии, препятствовании выходу иностранных компаний на китайские рынки, в демпинге на международных рынках на фоне кризиса перепроизводства в отдельных отраслях китайской промышленности (например, сталелитейной и алюминиевой), отсутствии прогресса в либерализации цен, увеличивающейся роли государственных компаний в китайской экономике⁸. Администрация Д. Трампа даже стала называть Китай беспрецедентной угрозой не только для США, но и для всей международной торговой системы.

Наибольшая обеспокоенность Вашингтона концентрируется вокруг трех пунктов: огромный дисбаланс в американо-китайской торговле в пользу Китая (в 2017 г. он достигал 375 млрд долл.), нарушение Китаем прав интеллектуальной собственности и китайская политика принудительной передачи технологий.

Проведенное в соответствии со статьей 301 Закона о торговле 1974 г. расследование выявило следующие нарушения: 1) Китай использует требования по созданию совместных предприятий, ограничения на иностранные инвестиции, процессы административного обзора и лицензирования в целях принуждения американских компаний к передаче технологий; 2) Китай использует дискриминационный процесс лицензирования для передачи технологий от американских компаний китайским; 3) Китай направляет и облегчает инвестиции и приобретения, которые способствуют крупномасштабной передаче технологий; 4) Китай проводит и поддерживает кибервторжения в американские компьютерные сети в целях получения доступа к ценной коммерческой информации⁹. Минимальный ежегодный ущерб, наносимый Китаем США в результате такой политики, был оценен в 50 млрд долл.¹⁰

В ходе проходивших в начале мая 2018 г. американо-китайских переговоров, призванных урегулировать торгово-экономические трения, американская сторона представила основные требования к Китаю: сократить торговый дисбаланс на 200 млрд долл. в течение последующих двух лет; устранить четыре нарушения, выявленные американским расследованием по статье 301 (приведены выше); прекратить субсидирование в рус-

ле реализации программы «Сделано в Китае 2025»; устранить ограничения на иностранные инвестиции; снизить импортные тарифы Китая до уровня применяемых в США тарифов и устранить отдельные нетарифные барьеры; облегчить доступ на китайские рынки для американских поставщиков услуг и сельскохозяйственной продукции¹¹.

При объяснении мотивации Д. Трампа в инициировании «торговой войны» с Китаем можно выделить две основные точки зрения. *Первое объяснение* исходит из рассмотрения «торговой войны» как противоборства двух ведущих экономик мира за научно-технологическое лидерство в грядущем будущем¹². Некоторые эксперты в своих рассуждениях даже характеризуют американо-китайские торговые трения как геополитическое противоборство двух держав за глобальное лидерство. Действия Д. Трампа расцениваются как направленные на намеренное сдерживание технологического развития Китая (в качестве одного из способов сдерживания «возвышения» Китая и становления его в качестве сверхдержавы) и, в частности, на срыв заявленной в 2015 г. Си Цзиньпином программы «Сделано в Китае 2025». В качестве аргумента приводится то, что основным объектом протекционистских мер США стали именно те отрасли, которые выделены в качестве приоритетных в этой китайской программе.

Второе объяснение — то, которое предлагается автором данной статьи, — базируется на рассмотрении действий Вашингтона как направленных на принуждение Пекина к «ответственному» поведению, соблюдению правил и норм, принятых в современной системе международной торговли, расширению открытости китайской экономики сообразно постоянно звучащим от китайских официальных лиц заверениям о поддержке либерализации торговли, ускорении завершения перехода к рыночной экономике. Как следует из опубликованного в январе 2017 г. торговым представительством США доклада о выполнении Китаем норм ВТО, китайская экономика за последнее время не продвинулась в рыночном направлении, а нормы ВТО неспособны и недостаточны для того, чтобы изменить китайскую экономическую политику¹³.

Направленность американских протекционистских мер против отраслей, выделенных китайским правительством в качестве приоритетных в программе «Сделано в Китае 2025», объясняется тем, что именно здесь проявляются выявленные Вашингтоном наиболее серьезные нарушения со стороны КНР: принудительная передача технологий, нарушение прав интеллектуальной собственности, промышленный шпионаж, а также государственное субсидирование.

Однако по убеждению китайской стороны, введение США мер, призванных способствовать решению вопроса интеллектуальной собственности, вызвано намерением Вашингтона не допустить повышения роли Китая в глобальных производственных цепочках и зафиксировать за ним низкую роль сборщика готовой продукции в системе международного разделения труда. В целом, американские меры против Китая рассматриваются Пекином как перекладывание Вашингтоном ответственности за свои внутриэкономические проблемы на Китай, как нежелание искать проблемы в собственной модели экономического развития, уже продемонстрировавшей, по убеждению китайцев, свою неэффективность и спровоцировавшую мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. Вину за высокий дисбаланс в американо-китайской торговле Пекин традиционно возлагает на Вашингтон, который с 1989 г. ограничивает экспорт высокотехнологичной продукции и вооружений в КНР, искусственно сдерживая таким образом рост американского экспорта в эту страну.

В сентябре 2018 г. Пекин опубликовал Белую книгу, разъясняющую позицию Китая относительно торгово-экономических противоречий с США, опровергающую обвинения Д. Трампа в адрес КНР и содержащую критику протекционизма американской администрации. В свою защиту Пекин приводит целый ряд аргументов, некоторые из которых выглядят вполне весомыми, а некоторые вряд ли можно считать состоятельными. Так, например, в Белой книге акцентируется внимание на том, что

в американско-китайской торговле услугами прослеживается стремительно возрастающий профицит в пользу США¹⁴. Однако простое сравнение дефицита США в торговле товарами с Китаем (375,58 млрд долл. в 2017 г.) с профицитом в торговле услугами (57,63 млрд долл. в 2017 г.) девальвирует данный аргумент. Пытаясь уличить Вашингтон в искажении общей картины тарифного регулирования в США и Китае, Пекин обращает внимание на то, что сами США не соблюдают декларируемый Д. Трампом принцип «взаимности»: тарифы Китая на арахис, молочные продукты и грузовики составляют 15%, 12% и 15–25% соответственно, а тарифы США на данные товарные группы значительно выше и достигают 163,8%, 16% и 25%. Однако в силу незначительного объема данной продукции во взаимной американско-китайской торговле этот аргумент также не выдерживает никакой критики.

Вместе с тем «красной нитью» через всю Белую книгу проходит идея о том, что за последние годы китайское правительство приложило огромные усилия в целях выполнения взятых на себя в связи с вступлением в 2001 г. в ВТО обязательств и продолжает реформировать свою экономику, способствуя либерализации торговли и все большей открытости Китая, а также соответствию общепринятым в международной торговой-экономической системе нормам и стандартам. И с этим на самом деле трудно не согласиться¹⁵. Проблема состоит лишь в том, что скорость предпринимаемых Китаем усилий в этом направлении не соответствует ожиданиям Вашингтона.

В Белой книге Пекин также решительно отвергает лежащий в основе всей логики экономической политики Д. Трампа принцип «взаимности» (*reciprocity*), означающий одинаковый уровень тарифов и доступа на рынки разных секторов экономики у США и их экономических партнеров. Этот принцип называется в Белой книге противоречащим принципам «взаимности» и «взаимной выгоды» ВТО и игнорирующим то, что разные страны находятся на разных стадиях развития, и развивающиеся страны заслуживают преференциального подхода (включающего право на защиту отдельных отраслей промышленности) и имеют право на развитие. Апеллируя к низким показателям ВВП КНР на душу населения и сохраняющемуся в Китае большому количеству бедного населения, Пекин называет несправедливыми требования Вашингтона относительно абсолютной соразмерности применяемых США и КНР тарифов, базирующихся лишь на высоких валовых экономических показателях Китая и его торгового оборота.

Вместе с тем следует заметить, что обращение Пекина к вопросу статуса Китая как развивающегося государства в случаях, когда Пекин не желает брать на себя международную ответственность, уже давно служит сильным раздражителем Вашингтона. В зависимости от соответствия своим национальным интересам Пекин избирательно берет на себя определенные функции в международной системе. Когда это не соответствует китайским национальным интересам, Китай вспоминает о том, что продолжает оставаться развивающейся страной, где душевные экономические показатели еще не достигли уровня западных развитых стран, и отстаивает свое право на развитие (например, в вопросах либерализации торговли, взятия на себя обязательств в области ограничения выбросов парниковых газов или отказа от заимствований в многосторонних банках развития — Всемирном банке и Азиатском банке развития). В других же случаях Китай открыто заявляет о своих правах как второй экономики мира (как в случае распределения квот и права голоса в МВФ и Всемирном банке) и предлагает мировому сообществу подкрепленные китайскими финансовыми вливаниями крупномасштабные инициативы (такие, как «Пояс и путь» или Азиатский банк инфраструктурных инвестиций).

В целом, анализ внешнеэкономической политики Д. Трампа и торгово-экономических противоречий США и Китая позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, деятельность администрации Д. Трампа обнаруживает некоторую потерю интереса Вашингтона к осуществлению глобального лидерства, предполагающего, помимо определенных привилегий, одновременно и огромный груз ответственности. *Во главу внеш-*

неэкономической политики администрации Д. Трампа поставлены не национальные интересы США в их широком понимании с учетом видения ситуации в стратегической перспективе, а интересы американской экономики и бизнеса на конкретном историческом отрезке. Для Д. Трампа ключевыми задачами являются восстановление позиций американского бизнеса в США и за рубежом, защита американских производителей, перенос американских предприятий из-за рубежа на территорию США, создание новых рабочих мест в США, возвращения американских капиталов обратно в Америку из офшоров и другие меры, направленные на ревитализацию американской экономики.

Во-вторых, *Вашингтон более не желает единолично нести бремя и издержки, сопровождающие роль мирового лидера или сверхдержавы,* особенно на фоне появления на мировой арене стремительно отстаивающей свои интересы второй мировой экономической державы — Китая. От Китая Вашингтон ожидает взятия на себя полной, а не избирательной международной ответственности — общемировой ответственности сообразной статусу второй экономики мира. В торгово-экономической сфере ответственность, по убеждению Д. Трампа, подразумевает выполнение взятых на себя в связи со вступлением в ВТО всех обязательств, либерализацию торговли (до уровня ведущих развитых государств), соблюдение прав интеллектуальной собственности, окончательный переход к рыночной экономике и пр.

В-третьих, *вводимые американской администрацией протекционистские меры представляют собой инструмент давления на китайское руководство в соответствующих вопросах, а не отражают долговременные намерения США отказаться от идей либерализации международной торговли и экономической глобализации.* Напротив, будучи заинтересованными в либерализации торговли, США прибегают к таким крайним и непопулярным мерам в целях побудить другие страны, в особенности, Китай к углублению либерализации торговли и открытию рынков.

В-четвертых, *в действующей американской администрации явно прослеживается падение интереса к многосторонним форматам международных системообразующих институтов,* где Вашингтону, как правило, приходится брать на себя слишком высокие обязательства (в т.ч. и финансовые) и нести издержки лидерства, но становится все сложнее диктовать свои условия на фоне консолидации интересов развивающихся государств.

В-пятых, *не устраивают Д. Трампа и такие аспекты современного экономического порядка, как наличие льгот у стран, причисляющих себя к развивающимся, и в особенности у Китая как «лидера» развивающегося мира.* Так, при вхождении в ВТО Китай в свое время добился большого количества льгот и изъятий для себя как развивающейся страны. И сейчас, формально не нарушая правил ВТО, КНР «паразитирует» на открытости развитых экономик, в особенности США. Эта же логика объясняет проводимый Вашингтоном пересмотр участия ряда развивающихся стран, демонстрирующих высокие экономические достижения, в Генеральной системе преференций (GSP). Рассуждая в духе Д. Трампа, динамично развивающиеся экономики (emerging economies) должны быть лишены тех привилегий и льгот, которыми они традиционно пользовались в международной экономической системе (в Китае это называется «правом на развитие»). Уровень обязательств перед международным сообществом у развитых стран и динамично развивающихся экономик должен быть соразмерен. В основе представлений Д. Трампа о предпочтительном для США мировом экономическом порядке лежат два принципа — принцип «справедливой» (fair) торговли и принцип «взаимности» (reciprocity) в торговле. И решимость Д. Трампа добиваться изменения мирового экономического порядка сообразно указанным принципам весьма велика.

1. WTO ITC UNCTAD. World tariff profiles 2018. P. 12. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/tariff_profiles18_e.pdf.
2. Ibid. P. 8–12.
3. Ibid. P. 14–18.
4. Сообщение Комитета по таможенным пошлинам при Госсовете о снижении импортных пошлин на автомобили и их части. 2018. (На кит. яз.) URL: http://gss.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/zhengcefabu/201805/t20180522_2903728.html.
5. Remarks by President Trump at Signing of a Presidential Memorandum Targeting China's Economic Aggression. 22.03.2018. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-signing-presidential-memorandum-targeting-chinas-economic-aggression/>
6. Ibid.
7. *Ong R.* China's Security Interests in the 21st Century. London: Routledge, 2007. P. 43.
8. *Лексютина Я.* Торг здесь неуместен // Профиль. 01.05.2018. URL: <http://m.profile.ru/politika/item/125565-torg-zdes-neumesten>.
9. Section 301 Fact Sheet. URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/USTR%20301%20Fact%20Sheet.pdf>.
10. Ibid.
11. CRS report “Enforcing U.S. Trade Laws: Section 301 and China”. 24.02.2019. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10708.pdf>.
12. *Ломанов А.* О новой затяжной войне // РСМД. 14.08.2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-novoy-zatyazhnoy-voyne/>
13. *Труш С.М.* Торговая война Д.Трампа против КНР: события, мотивации, внутренний контекст // Россия и Америка в XXI веке. 2018. Вып. 3. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760000047-8-1>.
14. Белая книга «Факты и позиция Китая относительно китайско-американских торговых трений». 24.09.2018. (На кит. яз.) URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1638292/1638292.htm>.
15. Так, например, в обнародованном 5 марта 2019 г. Докладе о работе правительства в 2018 г. констатируется снижение ввозных пошлин Китая на часть товаров и сокращение среднего уровня таможенных пошлин с 9,8 до 7,5%.